

Научная статья

УДК 94(47).048/071 + 323.276

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-34-48

Дворцовые перевороты в России: сравнительная типологизация

Франтишек Штеллнер

Карлов Университет

Прага, Республика Чехия

frantisek.stellner@ff.cuni.cz, <https://orcid.org/0000-0002-8519-8401>

Аннотация

Рассматриваются дворцовые перевороты как один из ключевых феноменов российской политической культуры, в котором причудливо переплелись традиции и новации, случайности и закономерности, личные и корпоративные интересы, расчетливость и авантюризм. Проанализированы способы и механизмы, благодаря которым российские самодержцы конца XVII – XVIII в. восходили на престол. Пути восшествия на трон были разными, но они имели одну общую черту – соблюдение четких правил наследования было очень далеко от идеала, что значительно отличалось от большинства европейских монархий. В подобных способах смены правителей отражалась определенная нестабильность верховной власти, споры о путях модернизации страны, последствия реформ Петра Великого и собственно внутридинастические противоречия.

Ключевые слова

дворцовые перевороты, Российская империя, династия Романовых, политическая культура

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта PROGRES Q09 “Historie – Klíč k pochopení globalizovaného světa”.

Перевод с чешского М. В. Ковалева

Для цитирования

Штеллнер Ф. Дворцовые перевороты в России: сравнительная типологизация // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 34–48. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-34-48

Palace Coups in Russia: Comparative Typologization

František Stellner

Charles University

Prague, Czech Republic

frantisek.stellner@ff.cuni.cz, <https://orcid.org/0000-0002-8519-8401>

Abstract

This article considers palace coups as one of the key phenomena of Russian political culture, which intertwined traditions and innovations, accidents and patterns, personal and corporate interests, prudence and adventurism. It analyzes methods and mechanisms by which the Russian autocrats of the late 17th – 18th centuries ascended to the throne. The ways of ascension to the throne were different, but they had one thing in common – compliance with clear rules of succession was very far from ideal, which was significantly different from most European monarchies. In monarchies where inheritance was legally fixed by the principle of primogeniture, it was much more difficult to carry out palace

© Штеллнер Ф., 2021

© Ковалев М. В., пер. с чеш., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 34–48

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 1: History, pp. 34–48

coups. There was no such mandatory legal norm for the Romanov dynasty. Palace coups in Russia did not lead to changes in the social and economic sphere or in the mechanisms of functioning of the state, with the exception of the political careers of individual dignitaries. The last palace revolution in the history of Russia took place in 1801 and symbolically completed the 18th century for it. Most of the changes on the Russian throne during the 18th century took place in the form of a “palace coup” with the participation of representatives of the dynasty and, as a rule, the highest dignitaries. Such methods of changing rulers reflected a certain instability of the supreme power, disputes about the ways of modernizing the country, the consequences of Peter the Great’s reforms and, in fact, intra-dynastic contradictions.

Keywords

palace coups, Russian empire, Romanov dynasty, political culture

Acknowledgements

The paper was written under the grant PROGRES Q09 “Historie – Klíč k pochopení globalizovaného světa”.

Translated from Czech by M. V. Kovalev

For citation

Stellner F. Palace Coups in Russia: Comparative Typologization. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 34–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-34-48

В период с 1682 по 1801 г. на российском троне произошло пятнадцать перемен. Одну из ярких особенностей передачи престола, зародившуюся в предшествующий период, очень точно подметил С. А. Мельников: «Правовой институт соправительства стал эффективным способом выхода из кризиса наследования, во многом породившего феодальную войну второй четверти XV в. Кроме того, этот институт создавал правовой механизм, который обеспечивал доминирование наследования по закону в форме перехода престола по прямой нисходящей линии. В свою очередь, победа данного способа престолонаследия в московской династии явилась достаточно мощным фактором централизации» [Мельников, 2001, с. 107] (см. также: [Плотникова, 2007; Кинев, 2011; Гвозденко, Горский, 2017]).

Обратимся к известным фактам, последовательность которых чрезвычайно важна для понимания политического процесса, причем попытаемся посмотреть на них с историко-правовых и политологических позиций. В 1682 г. в политической жизни России произошло ошеломляющее изменение, когда после смерти царя Федора Алексеевича стихийное собрание патриарха, епископов и бояр передало власть его младшему брату Петру, хотя традиция требовала посадить на трон ближайшего родственника усопшего правителя по мужской линии, т. е. его родного брата – Ивана. Регентшей при Петре стала его мать Наталья Кирилловна Нарышкина. Старшая сестра Ивана, Софья Алексеевна, в противовес новой политической схеме спровоцировала восстание московских стрельцов, в результате которого произошел первый дворцовый переворот. Иван был объявлен «старшим» правителем, Петр I стал своего рода «младшим», а управление взяла на себя новая регентша – Софья. Впервые в российской истории власть получила незамужняя представительница династии. Еще в конце XIX в. историк Е. Ф. Шмурло указал на уникальность ситуации, во многом увязывая ее с личными свойствами Софьи. Он высоко оценил царевну, видя в ней едва ли не «родоначальницу освободительного женского движения», полагал, что с ее приходом во власть «пульс придворной жизни забился усиленным темпом» [Шмурло, 1896, с. 57; Ковалев, 2006, с. 35]. Потрясения 1682 г. можно охарактеризовать как начало борьбы двух придворных группировок во главе с семьями матерей Петра I и Ивана V, причем они явно сочетали в себе как старые феодальные традиции, так и новые веяния.

После семи лет регентства Софья отказалась отдать власть, проигнорировав тот факт, что 17-летний Петр был готов править самостоятельно. Это был уникальный, невиданный доселе политический прецедент. Однако в 1689 г. Петр Алексеевич заставил сестру отступить от престола, а затем заключил ее в монастырь¹.

¹ См. подробнее биографию Софьи, в которой убедительно развенчиваются многие устоявшиеся мифы о царевне: [Hughes, 1990].

Петровские реформы в начале XVIII в. радикально меняют политический ландшафт, порождая при этом масштабные потрясения устоев, традиций и социально-политических практик. Не случайно, они встретили сопротивление части дворянства, которое надеялось, что более устойчивое и стабильное развитие сможет обеспечить им сын царя от первого брака – царевич Алексей. Ставка эта оказалась битой. Недовольство части дворянства вряд ли имело даже теоретические шансы вылиться в новый дворцовый переворот. В 1722 г. Петр I издал свой знаменитый указ, согласно которому монарх должен был сам определить преемника (ПСЗ-I, 1830, т. 6, № 3893, с. 496–497). Тем самым он нарушил традиционное первородство, подразумевавшее автоматическое наследование трона ближайшим родственником мужского пола. Сам император, однако, не сумел последовать новому правилу и своего преемника не назначил².

В 1725 г. задача поиска нового правителя была подхвачена высшими сановниками. Подобные прецеденты можно найти в российском прошлом, если вспомнить, к примеру, годы Смуты. Хотя тогда ситуация генерировалась пресечением династии Рюриковичей. В новой ситуации аристократия намеревалась признать самодержцем внука почившего императора, девятилетнего Петра Алексеевича, но назначить при нем регента. Представители нового дворянства во главе со светлейшим князем А. Д. Меншиковым, однако, с помощью манипуляций и подкупа гвардейцев сумели посадить на трон вдову царя, Екатерину I. Во время этого дворцового переворота единственный законный прямой наследник по мужской линии – малолетний Петр Алексеевич – не был свергнут, но был временно лишен возможности взойти на трон. Таким образом, Екатерину I можно считать первым узурпатором в русской истории, поскольку она не имела прав на корону по принципу кровного родства, и покойный супруг не распорядился законным образом в ее пользу (ПСЗ-I, 1830, т. 7, № 4643, с. 410)³. Екатерина I же стала руководствоваться указом 1722 г. и сделала распоряжение относительно преемника, изначально ознакомив с ним верховных сановников. Она уважала принцип первородства и потому определила наследником Петра Алексеевича, внука Петра Великого. После кончины императрицы в 1727 г. произошло его беспрепятственное восхождение на трон. Как писала Е. М. Болтунова, легитимность Петра II была в XVIII в. «необычной», поскольку определялась и традицией, и законом [Болтунова, 2016, с. 76].

В 1730 г. российское государство снова столкнулось с серьезным династическим кризисом, потому что после двух лет правления умер юный и неженатый Петр II, последний прямой представитель династии Романовых по мужской линии. Он не успел назначить преемника, потому инициатива была перехвачена высшим правительственным органом – Верховным тайным советом, который выбрал в качестве императрицы дочь Ивана V, овдовевшую курляндскую герцогиню Анну Ивановну [Dixon, 1999, p. 25; Плотников, 2001]. Завет Екатерины I о необходимости следовать принципу первородства не был принят во внимание, ведь согласно ему больше прав на престол имела сестра Анны Ивановны, герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна⁴.

В 1740 г. Анна Ивановна нарекла наследником не свою ближайшую родственницу, племянницу Анну Леопольдовну, а ее сына Ивана Антоновича [Курукин, 2014; Лысцова, 2017]. С одной стороны, в этом шаге можно усмотреть дань традиции наследования персоной мужского пола. С другой стороны, назначение младенца царем позволило сделать регентом фаворита императрицы, курляндского герцога Эрнста Иоганна Бирона [Павленко, 2006, с. 48]. Однако тот смог удержаться у власти в 1740 г. всего три недели. Подготовка к дворцовому перевороту против регента произошла необычайно быстро в ноябре 1740 г., а его реализация обошлась без единой капли крови. Организацию взяли на себя главнейший военачальник империи маршал, граф Бурхард Христоф Миних и мать царя-младенца Анна Леопольдовна

² См. правовой разбор документа: [Драган, 2017].

³ С термином «дворцовый переворот» в этой связи не согласна С. Н. Драган, которая считает, что Петр I намеревался передать престол супруге [Драган, 2016, с. 48].

⁴ См. об этом: [Петрухинцев, 2006].

[Курукин, 1997а; 2012; Искюль, Берг, 2007; Voetticher, 1998]. Это был заговор не против монарха, а против непопулярного регента. Бирон был арестован и отправлен в ссылку, Анна Леопольдовна заняла место регента.

Дестабилизацию власти после смерти Анны Ивановны использовали государства, желавшие помешать России оказывать помощь чешской и венгерской королеве Марии Терезии в войне за австрийское наследство. Речь идет о Швеции и Франции. Поэтому дипломаты этих стран при Санкт-Петербургском дворе пытались поддержать дочь Петра I и Екатерины I – Елизавету Петровну. Переворот, который в декабре 1741 г. возвел ее на престол, характеризовался тем, что иностранные дипломаты активно участвовали в свержении регента. Этим он отличался от предыдущих переворотов. Ни один член генералитета, никто из представителей двора или высшего государственного управления не принимал в нем участия. Подготовили его приближенные к Елизавете Петровне дворяне, а совершили его рядовые гвардейцы, а отнюдь не офицеры и высшее командование (ПСЗ-I, 1830, т. 11, № 8473, с. 537–538) [Курукин, 1997б; Лиштенау, 2000; 2012; Stellner, 2013; Анисимов, 2018]. Успех был в основном обусловлен слабостью существующей администрации⁵.

После смерти Елизаветы Петровны в январе 1762 г., Петр III, ее официальный наследник, без малейших проблем взшел на трон. Это напоминало приход к власти Петра II, за исключением того, что в 1727 г. ни один другой член романовской династии не мог считаться законным претендентом, в то время как в 1762 г. сразу трое представителей ивановской линии, включая свергнутого Ивана VI, пребывали в тюрьме.

Петр III совершил ряд ошибок во внутренней и внешней политике и недооценил способности и решимость своей жены (ПСЗ-I, 1830, т. 11, № 8658, с. 712–713) [Wortman, 2013, p. 44; Штеллнер, 2014]. Екатерина Алексеевна подготовила заговор, установила контакты с представителями верховной администрации, двора и вооруженных сил, а в июле 1762 г. лично произвела новый дворцовый переворот. Это событие комбинировало несколько типов переворотов. Как и в 1725 г., законная жена, которая не была членом династии по крови [Teibenbacher, 2019, p. 257], получила трон, и в ее возведении на трон приняли участие высокопоставленные сановники. В то же время это событие напоминало государственный переворот Елизаветы Петровны, поскольку Екатерина II поддерживала связь с младшими гвардейскими офицерами [Kusber, 2020, S. 147–150] и сама стояла во главе мятежных войск.

Фундаментальное отличие от предыдущего переворота состояло в том, что Екатерина II имела сына и что ее муж, Петр III, оказался первым в российской истории свергнутым взрослым правителем, и потому, теоретически, многие соратники могли сохранять верность ему⁶. Кроме того, еще был жив Иван VI, и Екатерине II как узурпаторше пришлось беспокоиться не только насчет свергнутого мужа, но и насчет находившегося в заключении Ивана Антоновича. Задумывалась она, вероятно, и о перспективах сына – Павла Петровича. Ни один российский правитель никогда прежде не находился в подобной ситуации. Вряд ли Елизавета Петровна могла даже подумать об убийстве своего предшественника, который был еще ребенком. Екатерина II и ее ближайшие единомышленники разрешили ситуацию тем, что через неделю после переворота Петр III оказался убит [Kleinschmidt, 1883, S. 539]⁷.

Последним дворцовым переворотом стало свержение Павла I в 1801 г. Это был единственный дворцовый переворот, который подготовили исключительно высшие офицеры. В событиях 1730, 1741 или 1762 гг. также были задействованы гвардейцы и солдаты, но главными организаторами всегда были представители династии. О подготовке заговора в 1801 г. знал наследник трона, будущий Александр I, но в самом перевороте он, в отличие от Анны Ивановны, Елизаветы Петровны и Екатерины II, участия не принимал [Троицкий, 1994, с. 67–68]. От-

⁵ О проблеме законности в легитимации воцарения Елизаветы Петровны см.: [Киселев, 2017].

⁶ Так, храбрый маршал Б. Х. Миних и принц Георг-Людвиг сохранили ему верность до самого конца. См., например, донесение князя Петра Черкасского о караульных и арестованных от 29 июня 1762 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 207).

⁷ Ср. с посланием Екатерины II сенаторам от 28 июля 1762 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 556).

личие от предыдущих переворотов также заключалось в том, что его вершителей не ожидали вознаграждение или головокружительная карьера. Хотя они не были осуждены, но их постепенно отдалили от двора. Так же, как в 1741 г., когда иностранные дипломаты оказывали финансовую поддержку Елизавете Петровне, заговорщики получали деньги от британского посланника в Санкт-Петербурге [Троицкий, 1994, с. 67]. После 1801 г. в истории императорской России более не было дворцовых переворотов [Сорокин, 2006; Павлова, 2008].

Русский историк-эмигрант М. В. Зызыкин так определял особенности передачи власти после смерти Петра I: «Иллюстрацией полной беспринципности в преемстве престола, а также полной беспринципности в отношении лиц, его занимающих, особенно усугублявшейся отсутствием мужских линий, является история преемства престола от Петра до воцарения Павла» [Зызыкин, 1924, с. 83]. Чешский историк Милан Шванкмайер писал о русском престоле XVIII в., что он «не был в прямом смысле наследственным, а скорее “профессиональным”» [Švankmajer, 1995, s. 162]. Данная терминология и подходы наводят на мысль, что трон все время занимал кто-то чужой, посторонний. В действительности перевороты не поколебали царственное положение романовской династии. Точно так же неуместно считать всех правителей после 1725 г. узурпаторами. Этим словом традиционно именовали захватчиков трона, которые присвоили себе властные права в обход легитимного правителя. Среди русских правителей XVIII в. только Екатерину I, Екатерину II и частично Елизавету Петровну можно считать узурпаторами. Однако эти императрицы не имели в мыслях отстранять от власти законную династию, и каждая из них в итоге передавала трон наследникам Петра Великого [Штеллнер, 2012].

В анализируемый период три регентши и один регент управляли государством (в 1682–1689 и 1740–1741 гг.). Например, Наталья Кирилловна Нарышкина лишь на короткое время встала во главе придворной партии, до тех пор, пока после стрелецкого бунта 1682 г. регентшей при малолетних Петре I и Иване V не стала их сестра Софья. Однако в случае установления регентства над Иваном VI речь шла всё же о правовом действии, поскольку Анна Ивановна решила вопрос в соответствии с законом 1722 г.

Кроме того, необходимо задаться вопросом, почему в периоды 1682–1689, 1725–1727, 1730–1740, 1740–1762 и, наконец, 1762–1796 гг. во главе страны оказывались женщины? Вопрос этот не праздный и давно привлекает внимание исследователей [Anisimov, 2004]. Одно из возможных объяснений заключается в том, что среди представителей династии не было дееспособных и совершеннолетних мужчин. Петр II реально не правил, а Иван VI был совсем ребенком. Петр III, поставивший против себя и жену, и часть элиты, продержался у власти всего полгода. Павел I правил дольше всех мужчин после Петра I, но он, как известно, дестабилизировал высшие правительственные и военные круги и после четырех лет сурового правления был свергнут и убит. Другая причина состоит в том, что ни у кого из правителей, кроме Екатерины II и Павла I, к концу их правления не было наследников мужского пола, способных взять власть в свои руки. В период с 1682 по 1801 г. среди кровных представителей династии Романовых как минимум до 15 лет дожили в общей сложности лишь 12 мужчин и 14 женщин. Если же мы не будем включать сюда братьев и сестер Ивана VI, родившихся в ссылке, или внуков Екатерины II, то окажется всего шесть мужчин и семь женщин.

Другой важный фактор состоит в том, что если старшая и младшая петровская ветви всегда имели представителей мужского пола, то в ивановской ветви в 1696–1740 гг. были одни женщины. Следует отметить, что, когда Петр II умер 14-летним ребенком, единственным прямым потомком Петра I по мужской линии был сын его дочери Анны, двухлетний Карл Петер Ульрих, будущий Петр III. Даже если бы правящие круги хотели, чтобы какой-либо совершеннолетний мужчина из романовской династии управлял ими, в периоды с 1725 по 1743 и с 1762 по 1769 г. таковых попросту не имелось. Таким образом, нужно констатировать, что в России не было взрослого мужчины из числа представителей правящего дома в течение четверти века. В то же время за несовершеннолетних наследников в любом случае

кто-то должен был управлять. Показателен пример Софьи, которая царствовала за малолетних братьев Петра и Ивана, но не торопилась уступить трон. Анна Леопольдовна совсем недолго была правительницей за своего сына-младенца, а уже Екатерина II отказалась быть регентшей при несовершеннолетнем Павле, объявив себя самодержицей.

Еще одним объяснением «женского правления» может служить позиция дворцовых партий, чьи представители полагали (как мы знаем, довольно опрометчиво), будто суверен со спорной легитимностью окажется более управляемым. Такое предположение могло бы быть применимо к Екатерине I, Анне Леопольдовне и частично Елизавете Петровне, но, конечно, не к Софье, Анне Ивановне или Екатерине II. В XVIII в. женское правление в России сделало специфическим явлением, после 1796 г. оно не повторялось.

Еще одна поразительная особенность рассматриваемого периода заключалась в том, что у большинства российских правительниц не было мужа. Екатерина II и Анна Ивановна царствовали как вдовы, правда, Екатерина стала таковой через неделю после восшествия на престол. Софья и Елизавета Петровна умерли незамужними. Почему никто из них не думал о замужестве во время правления? В свою эпоху они, как самодержицы, могли сочетаться браком лишь с иностранными принцами, поскольку неравномерный союз нанес бы ущерб репутации страны на международном уровне. Однако выбор представителя какой-либо европейской династии мог, в свою очередь, привести к осложнениям, поскольку втянул бы Россию в заграничные дела и династические распри. Правда, в эти распри империя всё равно ввязывалась не раз. К тому же внутри страны такой брак не был бы одобрен, особенно гвардией. Потенциальный муж, вероятно, захотел бы принять участие в осуществлении верховной власти, чего императрица и самые влиятельные сановники не позволили бы.

Вдовам и не состоящим в браке правительницам пришлось мучительно решать вопрос о наследовании. Так, Екатерина I провозгласила преемником потомка неродного ей сына, Анна Ивановна – сына своей племянницы, Елизавета Петровна – племянника, и только Екатерина II – своего сына. Из всех правительниц имела мужа лишь Анна Леопольдовна, и лишь одна она во время короткого нахождения на троне родила ребенка – дочь Екатерину (1741–1807). Впрочем, российские государыни не сторонились мужчин, напротив, их любовники занимали ключевые позиции при дворе. Для полноты картины добавим, что Петр I, Петр III и Павел I правили вместе с женами, Петр II был недостаточно взрослым для женитьбы, а Иван VI вовсе был маленьким ребенком.

Еще один важный вопрос заключается в том, кто именно руководил подготовкой к каждому дворцовому перевороту, и в какой степени он влиял на персону, возведенную на трон. В 1725 и 1727 гг. такую инициативу взял на себя князь А. Д. Меншиков, в 1730 г. – члены Верховного Тайного Совета, а затем Анна Ивановна, разорвавшая «кондиции». Свержение регента Э. И. Бирона в 1740 г. было затеяно и претворено в жизнь фельдмаршалом Б. Х. Минихом, а отстранение от власти Ивана VI и Анны Леопольдовны в 1741 г. организовали приближенные Елизаветы Петровны, находившиеся вне высших правительственных кругов. Елизавета сама встала во главе гвардейцев, совершивших государственный переворот. В 1762 г. Екатерина II сама инициировала захват власти и руководила его подготовкой. Свержение Павла I было подготовлено и реализовано в 1801 г. группой военных. Одновременно можно говорить о «малых дворцовых переворотах», направленных на устранение с политической арены ключевого, влиятельного сановника. Нередко последствия таких изменений были далеко идущими, и их вполне можно сравнить со сменой главы государства. Тем не менее даже падение А. Д. Меншикова, Э. И. Бирона, в какой-то степени также Б. Х. Миниха и А. П. Бестужева-Рюмина, не вызвали политического кризиса в империи.

Напрямую с помощью угроз или силы на престол взошли Екатерина I, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна и Екатерина II. Физическое устранение монарха непосредственно во время переворота произошло только в 1801 г., в случае с Павлом I. В 1762 г. Петр III был принужден отречься от престола, и лишь затем, несколько дней спустя, его убили. Иван VI был убит в 1764 г. при попытке его освобождения из заключения в Шлиссельбургской кре-

пости. В 1741 г. Анне Леопольдовне пришлось отказаться от притязаний на престол в пользу своего сына Ивана VI, который в ту пору был совсем ребенком. Оба они впоследствии будут арестованы наряду с другими членами семьи и отправлены в заключение. Точно так же произошло с царевной Софьей и регентом Э. И. Бироном. Из 11 правителей и регентов в 1682–1725 гг. (без учета Федора Алексеевича) шесть человек умерли на троне, трое были убиты, один умер естественной смертью под арестом, а один погиб при попытке освобождения из заключения.

Некоторые историки сравнивают перемены на русском престоле в XVIII в. с восхождением древнеримских императоров, которых поддерживали преторианцы. В некоторых исследованиях мы можем прочесть, что гвардейцы имели при русском дворе положение аналогичное преторианцам и что российская гвардия была независимым политическим субъектом. Она приводила суверена к власти в соответствии с собственными интересами [Massie, 1987, S. 235; Hosking, 2000, S. 127]. С этой концепцией нельзя согласиться. Российская гвардия была не организатором переворотов, а только их инструментом. Ее численность никогда не превышала нескольких тысяч человек, потому говорить о гвардии как об особом социальном слое не приходится [Schippan, 1997, S. 270]. Лишь около 70 гвардейцев приняло участие в государственном перевороте Анны Ивановны. Елизавету Петровну возвели на престол 308 гвардейцев. Крупнейшие военные маневры, связанные со сменой власти, относятся к 1762 г., когда Екатерина II заставила выдвинуться 10 000 солдат из Петербурга к расположенной неподалеку от столицы летней царской резиденции. Реальные боевые действия никогда не случались в ходе захватов власти в XVIII в. У дворцовых переворотов не было шанса вовлечь армейские подразделения, развернутые за пределами столицы или самого двора.

Согласимся в этой связи с мнением Н. В. Коршуновой: «Петр I выбил социальную опору из-под монархии – боярскую аристократию, а новая политическая сила только начала формироваться, но при этом служилое дворянство, гвардейское офицерство видели в правителе всего лишь человека, пусть и наделенного высшей властью. Исчезла сакральность монархии. Более того, учитывая частые дворцовые перевороты, считали, что монархи им обязаны тронном. Поэтому стал возможен переворот 1762 г. в пользу Екатерины II, которая не имела никаких прав на престол» [Коршунова, 2017, с. 120].

Попробуем типологизировать государственные перевороты в России в 1682–1801 гг. Согласно определению польского политолога М. Банковича, государственный переворот является «незаконным свержением существующей политической власти небольшой группой заговорщиков, которые используют стратегию внезапного захвата жизненно важных государственных институций и учреждений, и сопровождается насилием или угрозой его использования. Переворот является делом заговорщиков, потому это не политическое изменение, вызванное массовыми социальными явлениями» [Bankowicz, 2010, s. 19]. В новейшее время для обозначения государственного переворота нередко используют французский термин «coup d'état». Его определяют как внезапное и насильственное свержение законного правительства, захват высшей политической власти небольшой группой заговорщиков [Zald, Berger, 1978, p. 833]⁸. Причем зачастую эти люди происходят из государственных органов и армии и, по сути, являются законными носителями власти.

Терминологическая двусмысленность приводит к тому, что термин «путч» предпочитается понятию «государственный переворот», например, некоторыми немецкими историками и политологами [Clemens, 1999]. В то же время другие авторы определяют путч как один из видов государственного переворота и ограничивают его только процессом, когда к власти насильственным путем приходят военные деятели и устанавливают диктатуру поверх государственных структур. Хорошо известно, что применительно к XX в. группу путчистов, за-

⁸ Однако, как отмечает И. В. Курукин, «в западной политологической терминологии... употребляется данный термин по отношению к политическим системам Нового и Новейшего времени (XIX–XX вв.), преимущественно в “незападном мире” (Африка, Латинская Америка) и не включает российскую практику XVIII столетия» [2019, с. 8].

хвативших власть, именуют «хунтой», а установленный ей режим характеризуют как «военную диктатуру». Другая классификация основана на том факте, что государственный переворот осуществляется высшими сановниками или высшими офицерами, в то время как путч – рядовыми военными или группами лиц, не имеющими политической власти [Weyr, 1995; Hebditch, Connor, 2009; Powell, 2012]. Для русской истории 1682–1801 гг. термин «путч» совершенно неуместен и в основном не используется⁹.

Применительно к смене власти в России в XVIII в. некогда использовался термин «дворцовая революция»¹⁰. Он метко указывал на тот факт, что смена правителя происходила во дворце как центре политической власти и что население вообще не принимало участия в этом процессе. По этой причине невозможно использовать термины «восстание», «революция» или «бунт» для описываемых событий [Люттвак, 2012, с. 19–27]. В настоящее время термин «дворцовая революция» менее приемлем, поскольку термин «революция» связан с такими феноменами, как Французская революция 1789 г. или Октябрьская революция 1917 г., которые коренным образом изменили государственное устройство и социальные устои. Дворцовые перевороты в России не приводили к изменениям в социальной и экономической сферах, в механизмах функционирования государства, за исключением политических карьер отдельных сановников. Последний дворцовый переворот в истории России произошел в 1801 г. и символически завершил для нее XVIII в. В наступающем «веке революций» сформировались совсем иные механизмы смены власти.

Потому будем отталкиваться от представления, что большая часть изменений на российском троне в XVIII в. происходила в форме «дворцового переворота» с участием представителей династии и, как правило, высших сановников. Этим термином пользовался еще В. О. Ключевский, который период от смерти Петра I в 1725 г. до восшествия Екатерины II в 1762 г. назвал «эпохой дворцовых переворотов» [Ключевский, 2004, с. 567]¹¹. Автор статьи рискнул расширить границы периода от прихода к власти царевны Софьи и до убийства Павла I, поскольку в обоих случаях изменения на троне не соответствовали твердому порядку, а отдельные члены династии Романовых и их сподвижники использовали ситуации для незаконной и насильственной смены правителя.

М. Банкович термин «дворцовый переворот» определяет исключительно как смену государственного руководства. Его инициаторы, зачастую происходящие из правящих кругов, не проводят каких-либо общественных или экономических реформ и опираются на ту же политическую базу, «которая до этого времени представляла собой тыл правящей элиты, то есть не изменяют механизмов функционирования государства» [Банкович, 2008, с. 8].

В какой-то мере совершенно идеальным было бы считать «дворцовый переворот» только таким событием, при котором законный правитель свергнут заговорщиками, набранными из числа придворного окружения, а на трон посажен представитель династии, который не был официально назначен преемником или вовсе не имел права наследования. Такие дворцовые перевороты состоялись в 1741 г., когда был низложен Иван VI, и в 1762 г., когда Петр III был свергнут и затем убит. Отчасти это определение соответствует ситуации, когда на престол взошла Екатерина I. Тем не менее, термин «дворцовые перевороты» по-прежнему разумно использовать для всех незаконных и насильственных изменений, связанных со сменой главы государства в России в период с 1682 по 1801 г.¹²

⁹ См., например, исторический обзор феноменов переворотов: [Braun, 1978]. Хотя автор использовал в названии термин «дворцовый переворот», в самом тексте он говорит о «путче».

¹⁰ И. В. Курукин указывает, что для современников «такое понятие стало наиболее употребительным в России», однако «в русский язык XVIII столетия это слово не вошло» [2019, с. 7–8].

¹¹ Сравнение разных историографических традиций см. в классической работе: [Троицкий, 1966]. Новейшие теоретические подходы отражены в работах: [Волкова, Курукин, 1995; Драган, 2016, с. 46–47].

¹² С точки зрения современных российских исследователей (в частности, И. В. Курукина) всё же необходимо выделять события 1730 г., представлявшие собой попытку изменения государственного устройства: «Применительно к междуцарствию 1730 г. можно говорить о государственном перевороте; “верховники” предоставили “шляхетству” возможность гласно и легально составлять проекты нового государственного устройства, а их оп-

В чем причина столь значительных потрясений верховной власти в России XVIII в.? В монархиях, где наследование было юридически закреплено принципом первородства, было гораздо труднее проводить дворцовые перевороты. Для династии Романовых не существовало обязательной правовой нормы. Согласно традиции, старший сын становился преемником умершего правителя. Эта практика работала до Федора Алексеевича, который умер, не оставив потомков, а ближайшими наследниками мужского пола оказались больной Иван и юный Петр. Еще одно осложнение вызвал указ 1722 г., предписывавший монарху самостоятельно назначать преемника. Тем самым создавались условия для интриг высших сановников, которые пытались использовать положение в своих интересах. Ситуация еще более усугубилась после того, как прервалась прямая мужская линия династии Романовых. Причем потомки Петра I и Екатерины I изначально имели незаконное происхождение, в отличие от потомков Ивана V. Хотя и в том, и в другом случае речь шла о женских линиях. Необходимо уточнить, что многие представители династии Романовых обрели спутников жизни среди представителей иностранных монархий, что практически исключало их из числа подходящих кандидатов на престол. Парадоксальным образом это же обстоятельство, напротив, позволило оказаться на императорском троне «нерусским» Екатерине I и Екатерине II. Не будем сбрасывать со счетов и личностный фактор, о котором уже много написано историками. Петр Великий был необычайно сильной личностью, способной твердо держать бразды правления. После его смерти в династии уже не было никого подобного, потому неудивительно, что государственное устройство, построенное Петром, оказалось в упадке и кризисе.

Дальнейшие исследования могли бы сосредоточить внимание на том, как дворцовые перевороты 1682–1801 гг. сделались привычной частью жизни в столице, в какой степени влияли они на государственное управление в губерниях и уездах, и как они воспринимались иными, нежели придворные круги, социальными группами. Исследования так называемой «второй жизни» дворцовых перерывов могли бы показать, как это явление воспринималось в историческом сознании в XIX–XX вв. В частности, историки могли бы изучить способы, которыми в социальной памяти закреплялись образы дворцовых переворотов, например, через устную традицию, литературу и искусство¹³.

Список литературы

- Анисимов М. Ю.** Елизаветинская Россия и международные конгрессы в середине XVIII века // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 121–143.
- Банкович М.** Государственный переворот, пронунаменто, путч: теоретический анализ // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2008. № 2. С. 3–12.
- Болтунова Е. М.** «От тебя, с тобою и к славе твоей»: Петр II как Петр I // Российская история. 2016. № 2. С. 76–91.
- Волкова И. В., Курукин И. В.** Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII–XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 40–61.
- Гвозденко К. С., Горский А. А.** О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14–23.
- Драган С. Н.** «Эпоха дворцовых переворотов»: стереотип и реальность // Учен. тр. Рос. академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1. С. 46–51.
- Драган С. Н.** Первый закон о престолонаследии // Учен. тр. Рос. академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 2. С. 31–37.

поненты столь же явно отстаивали свою точку зрения... Столкновения проходили публично, с участием собравшихся во дворце представителей знати и прочего “шляхетства” [Курукин, 2019, с. 508]. См. также: [Курукин, Плотников, 2010] – *Примеч. отв. ред.*

¹³ Вопросы эти остаются совершенно не изученными. К примеру, в книге О. Б. Леонтьевой, являющейся сегодня лучшим и наиболее полным исследованием об исторической памяти императорской России, проблематика дворцовых переворотов упоминается лишь вскользь [Леонтьева, 2011, с. 235, 267, 279].

- Зыбыкин М. В.** Царская власть и закон о престолонаследии в России. София: А. А. Ливен, 1924. 194 с.
- Искюль С. Н., Берг Б.** Бурхард Кристоф фон Миних: оценка, изображение и исследование его деятельности в русской и немецкой историографии // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 172–175.
- Кинев С. Л.** Принципы наследования власти на Руси XIV–XVI вв. в отечественной историографии // Вестник Том. гос. ун-та. 2011. № 353. С. 85–92.
- Киселев М. А.** «По правам всего света»: легитимация дворцового переворота 1741 г. и проблема законности воцарения Елизаветы Петровны // Россия XXI. 2017. № 5. С. 98–117.
- Ключевский В. О.** Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. 834 с.
- Ковалев М. В.** Петровская эпоха в научном наследии Е. Ф. Шмурло // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2006. Вып. 5. С. 39–53.
- Коршунова Н. В.** Дворцовые перевороты как инструмент утверждения абсолютной монархии в России в XVIII – начале XIX века // Социум и власть. 2017. № 2. С. 118–122.
- Курукин И. В.** Анна Леопольдовна // Вопросы истории. 1997а. № 6. С. 28–40.
- Курукин И. В.** Дворцовый переворот 1741 г.: причины, «технология», уроки // Отечественная история. 1997б. № 5. С. 3–23.
- Курукин И. В.** Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012. 302 с.
- Курукин И. В.** Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2014. 427 с.
- Курукин И. В.** Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. 757 с.
- Курукин И. В., Плотников А. Б.** 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига, Объедин. ред. МВД России, 2010. 275 с.
- Леонтьева О. Б.** Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
- Лиштенан Ф.-Д.** Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М.: ОГИ, 2000. 412 с.
- Лиштенан Ф.-Д.** Елизавета Петровна: императрица, непохожая на других. М.: Астрель, 2012. 635 с.
- Лыцова А. С.** Роль графа А. И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е – начале 1740-х гг. // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2017. № 2. С. 150–161.
- Люттвак Э.** Государственный переворот. Практическое пособие. М.: Рос. фонд содействия образованию и науке, 2012. 326 с.
- Мельников С. А.** Наследование престола на Руси и институт соправительства как факторы централизации // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 102–108.
- Павленко Н. И.** Петр II. М.: Молодая гвардия, 2006. 281 с.
- Павлова Е. В.** Переворот 1801 года и русское общество (вопрос о преемственности и легитимности самодержавной власти): Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2008. 266 с.
- Петрухинцев Н. Н.** Дворцовые интриги 1730-х годов и «дело» А. П. Волынского // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 30–37.
- Плотников А. Б.** Ограничение самодержавия в России в 1730 г.: идеи и формы // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 60–69.
- Плотникова О. А.** Порядок наследования власти в Древнерусском государстве // Власть. 2007. № 10. С. 107–110.
- Сорокин Ю. А.** Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 15–29.
- Троицкий Н. А.** Александр I и Наполеон. М.: Высш. шк., 1994. 304 с.
- Троицкий С. М.** Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // Вопросы истории. 1966. № 2. С. 38–53.
- Шмурло Е. Ф.** Падение царевны Софьи // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. № 1. С. 38–95.

- Штеллер Ф.** Династическая политика Австрийской, Прусской и Российской монархий в XVIII веке: сравнительно-исторический анализ // Россия XXI. 2012. № 4. С. 82–109.
- Штеллер Ф.** Династический аспект внешней политики Петра III // Российская история. 2014. № 4. С. 70–79.
- Anisimov J. V.** Five Empresses: Court Life in Eighteenth-Century Russia. Westport, Praeger, 2004, 375 p.
- Bankowicz M.** Státní převrat. Praha, Nakladatelství Dokořán, 2010, 118 s.
- Boetticher M. von** (Hrsg.). Braunschweigische Fürsten in Rußland in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1998, 329 S.
- Braun F. H.** Morocco: Anatomy of a Palace Revolution That Failed. *International Journal of Middle East Studies*, 1978, vol. 9, no. 1, pp. 63–72.
- Clemens D.** The “Bavarian Mussolini” and His “Beerhall Putsch”: British Images of Adolf Hitler, 1920–1924. *The English Historical Review*, 1999, vol. 114, no. 455, pp. 64–84.
- Dixon S.** The Modernization of Russia 1676–1825. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1999, 267 p.
- Hebditch D., Connor K.** How to Stage a Military Coup. From Planning to Execution. London, Skyhorse, 2009, 256 p.
- Hosking G.** Russland. Nation und Imperium 1552–1917. Berlin, Siedler, 2000, 574 S.
- Hughes L.** Sophia. Regent of Russia, 1657–1704. New Haven, London, Yale Uni. Press, 1990, 345 p.
- Kleinschmidt A.** (Hrsg.). Vom Tode Peter’s III bis zum Tode Iwans VI Gesandtschaftsberichte aus dem Haager Reichsarchive. *Russische Revue*, 1883, Bd. 23, S. 534–559.
- Kusber J.** Katharina II. und ihre Favoriten in den Eliten des russischen Reiches. In: Weibliche Herrschaft im 18. Jahrhundert: Maria Theresia und Katharina die Große. Bielefeld, 2020, S. 147–166.
- Massie R. K.** Peter der Grosse. Sein Leben und seine Zeit. Frankfurt am Main, Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1987, 791 S.
- Powell J.** Determinants of the Attempting and Outcome of Coups d’état. *The Journal of Conflict Resolution*, 2012, vol. 56, no. 6, pp. 1017–1040.
- Schippa M.** Mächtepolitik und Aufklärung an Spree und Newa. Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert). In: Wanderausstellung durch Deutschland und Russland. Dokumentation. Göttingen, Köln, 1997, S. 195–216.
- Stellner F.** Die Interessengruppen am Hof Elisabeth Petrownas. Ein Beitrag zur Analyse der Herrscherstellung im absolutistischen System. Politische Kommunikation zwischen Imperien: Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa (Innsbrucker Historische Studien). Innsbruck, Wien, Bolzen, 2013, S. 145–154.
- Švankmajer M. et al.** Dějiny Ruska. Prague, Nakladatelství Lidové noviny, 1995, 474 s.
- Teibenbacher E.** Catherine the Great: How the Question of Legitimacy Influenced her Politics. In: Dynastic Change: Legitimacy and Gender in Medieval and Early Modern Monarchy. London, New York, 2019, pp. 255–274.
- Weyr F.** Pojem puče. *Filosofický časopis*, 1995, t. 43, no. 3, s. 449–460.
- Wortman R.** Russian Monarchy: Representation and Rule. Collected Articles. Boston, Academic Studies Press, 2013, 332 p.
- Zald M. N., Berger M. A.** Social Movements in Organizations: Coup d’État, Insurgency, and Mass Movements. *American Journal of Sociology*, 1978, vol. 83, no. 4, pp. 823–861.

Список источников

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канц., 1830. Т. 6. 815 с.; Т. 7. 941 с.; Т. 11. 992 с.

References

- Anisimov J. V.** *Five Empresses: Court Life in Eighteenth-Century Russia*. Westport, Praeger, 2004, 375 p.
- Anisimov M. Yu.** Elizavetinskaya Rossiya i mezhdunarodnye kongressy v seredine XVIII veka [Elizabethan Russia and International Congresses in the Middle of the 18th Century]. *Novaya i noveishaya istoriya* [New and Contemporary History], 2018, no. 1, pp. 121–143. (in Russ.)
- Bankowicz M.** Gosudarstvennyi perevorot, pronuntsiamiento, putch: teoreticheskii analiz [Coup d'etat, Pronunciamento, Putsch: A Theoretical Analysis]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University Bulletin. Series: History. Political science. Sociology], 2008, no. 2, pp. 3–12. (in Russ.)
- Bankowicz M.** Státní převrat. Prague, Nakladatelství Dokořán, 2010, 118 p. (in Czech)
- Boetticher M. von** (Hrsg.). Braunschweigische Fürsten in Rußland in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1998, 329 S.
- Boltunova E. M.** “Ot tebya, s toboyu i k slave tvoei”: Petr II kak Petr I [From You, with You, and to Your Glory: Peter II as Peter I]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2016, no. 2, pp. 76–91. (in Russ.)
- Braun F. H.** Morocco: Anatomy of a Palace Revolution That Failed. *International Journal of Middle East Studies*, 1978, vol. 9, no. 1, pp. 63–72.
- Clemens D.** The “Bavarian Mussolini” and His “Beerhall Putsch”: British Images of Adolf Hitler, 1920–1924. *The English Historical Review*, 1999, vol. 114, no. 455, pp. 64–84.
- Dixon S.** *The Modernization of Russia 1676–1825*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1999, 267 p.
- Dragan S. N.** “Epokha dvortsovykh perevorotov”: stereotip i real’nost’ [“The Era of Palace Coups”: A Stereotype and Reality]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary], 2016, no. 1, pp. 46–51. (in Russ.)
- Dragan S. N.** Pervyi zakon o prestolonasledii [The First Law on Succession to the Throne]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary], 2017, no. 2, pp. 31–37. (in Russ.)
- Gvozdenko K. S., Gorsky A. A.** O poryadke nasledovaniya knyazheskoi vlasti v Drevnei Rusi [On the Order of Inheritance of Princely Power in Ancient Russia]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2017, no. 6, p. 14–23. (in Russ.)
- Hebditch D., Connor K.** *How to Stage a Military Coup. From Planning to Execution*. London, Skyhorse, 2009, 256 p.
- Hosking G.** *Russland. Nation und Imperium 1552–1917*. Berlin, Siedler, 2000, 574 S.
- Hughes L.** *Sophia. Regent of Russia, 1657–1704*. New Haven, London, Yale Uni. Press, 1990, 345 p.
- Iskyl S. N., Berg B.** Burkhard Kristof fon Minikh: otsenka, izobrazhenie i issledovanie ego deyatelnosti v russkoi i nemetskoi istoriografii [Burchard Christoph von Münnich: Assessment, Image and Study of his Activities in Russian and German Historiography]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2007, no. 10, pp. 172–175. (in Russ.)
- Kinev S. L.** Printsipy nasledovaniya vlasti na Rusi XIV–XVI vv. v otechestvennoi istoriografii [Principles of Inheritance of Power in Russia of the 14th – 16th Centuries in Russian Historiography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2011, no. 353, pp. 85–92. (in Russ.)
- Kiselev M. A.** “Po pravam vsego sveta”: legitimatsiya dvortsovogo perevorota 1741 g. i problema zakonnosti votsareniya Elizavety Petrovny [“According to the Rights of the Whole World”. Legitimization of the 1741 Palace Coup and the Problem of Elizaveta Petrovna Accession’s Legality]. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2017, no. 5, pp. 98–117. (in Russ.)

- Kleinschmidt A.** (Hrsg.). Vom Tode Peter's III bis zum Tode Iwans VI Gesandtschaftsberichte aus dem Haager Reichsarchive. *Russische Revue*, 1883, Bd. 23, S. 534–559.
- Klyuchevsky V. O.** Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii [Russian History. The Complete Course of Lectures]. Moscow, OLMA-Press, 2004, 834 p. (in Russ.)
- Kovalev M. V.** Petrovskaya epokha v nauchnom nasledii E. F. Shmurlo [The Petrine Epoch in the Scientific Heritage of E. F. Shmurlo]. In: *Novyi vek: istoriya glazami molodykh* [The New Century: History through the Eyes of the Young Scholars]. Saratov, 2006, iss. 5, pp. 39–53. (in Russ.)
- Korshunova N. V.** Dvortsovye perevoroty kak instrument utverzheniya absolyutnoi monarkhii v Rossii v XVIII – nachale XIX veka [Palace Coups as a Tool for Establishing the Absolute Monarchy in Russia in the 18th – Early 19th Century]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 2017, no. 2, pp. 118–122. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Anna Leopoldovna [Anna Leopoldovna]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1997, no. 6, pp. 28–40. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Dvortsovyi perevorot 1741 g.: prichiny, “tekhnologiya”, uroki [The Palace Coup in 1741: Reasons, “Technology”, Lessons]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History], 1997, no. 5, pp. 3–23. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Anna Leopoldovna [Anna Leopoldovna]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2012, 302 p. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Anna Ioannovna. Moscow, Molodaya gvardiya, 2014, 427 p. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Epokha “dvorskikh bur”. Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii (1725–1762 gg.) [The Era of “Palace Storms”. Essays on the Political History of Post-Petrine Russia (1725–1762)]. St. Petersburg, Nauka, 2019, 757 p. (in Russ.)
- Kurukin I. V., Plotnikov A. B.** 19 yanvarya – 25 fevralya 1730 goda: sobytiya, lyudi, dokumenty [January 19 – February 25, 1730: Events, People, Documents]. Moscow, Kvadriga, Ob'edinen-naya redaktsiya MVD Rossii, 2010, 275 p. (in Russ.)
- Kusber J.** Katharina II. und ihre Favoriten in den Eliten des russischen Reiches. In: *Weibliche Herrschaft im 18. Jahrhundert: Maria Theresia und Katharina die Große*. Bielefeld, 2020, S. 147–166.
- Leontieva O. B.** Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala XX v. [Historical Memory and Images of the Past in the Russian Culture of the 19th – Early 20th Centuries]. Samara, Kniga Publ., 2011, 448 p. (in Russ.)
- Liechtenhan F.-D.** Rossiya vkhodit v Evropu: imperatritsa Elizaveta Petrovna i voyna za Avstriiskoe nasledstvo, 1740–1750 [Russia Enters Europe: Empress Elizaveta Petrovna and the War of the Austrian Succession, 1740–1750]. Moscow, OGI, 2000, 412 p. (in Russ.)
- Liechtenhan F.-D.** Elizaveta Petrovna: imperatritsa, nepokhozhaya na drugikh [Elizaveta Petrovna: Empress, unlike the Others]. Moscow, Astrel', 2012, 635 p. (in Russ.)
- Luttwak E.** Gosudarstvennyi perevorot. Prakticheskoe posobie [A Coup d'état. Practical Guide]. Moscow, Rossiiskii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2012, 326 p. (in Russ.)
- Lystsova A. S.** Rol' grafa A. I. Ostermana v regulirovanii prestolonaslediya v Rossii v 1730-e – nachale 1740-kh gg. [The Role of Count A. I. Osterman in the Regulation of the Succession to the Throne in Russia in the 1730s – Early 1740s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University], 2017, no. 2, pp. 150–161. (in Russ.)
- Massie R. K.** Peter der Grosse. Sein Leben und seine Zeit. Frankfurt am Main, Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1987, 791 S.
- Melnikov S. A.** Nasledovanie prestola na Rusi i institut sopravitel'stva kak faktory tsentralizatsii [Succession to the Throne in Russia and the Institution of Co-government as Factors of Centralization]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2001, no. 11–12, pp. 102–108. (in Russ.)
- Pavlenko N. I.** Petr II [Peter II]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2006, 281 p. (in Russ.)

- Pavlova E. V.** Perevorot 1801 goda i russkoe obshchestvo (vopros o preemstvennosti i legitimnosti samoderzhavnoi vlasti) [The Coup of 1801 and Russian Society (the Question of the Succession and Legitimacy of the Autocratic Power)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Samara, 2008, 266 p. (in Russ.)
- Petrukhintsev N. N.** Dvortsovye inrtigi 1730-kh godov i “delo” A. P. Volynskogo [Palace Intrigues of the 1730s and the “Case” of A. P. Volynsky]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2006, no. 4, pp. 30–37. (in Russ.)
- Plotnikov A. B.** Ogranichenie samoderzhaviya v Rossii v 1730 g.: idei o formy [Restriction of Autocracy in Russia in 1730: Ideas and Forms]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2001, no. 1, pp. 60–69. (in Russ.)
- Plotnikova O. A.** Poryadok nasledovaniya vlasti v Drevnerusskom gosudarstve [The Order of Succession of Power in the Old Russian State]. *Vlast'* [Power], 2007, no. 10, pp. 107–110. (in Russ.)
- Powell J.** Determinants of the Attempting and Outcome of Coups d'état. *The Journal of Conflict Resolution*, 2012, vol. 56, no. 6, pp. 1017–1040.
- Schippan M.** Mächtropolitik und Aufklärung an Spree und Newa. Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert). In: Wanderausstellung durch Deutschland und Russland. Dokumentation. Göttingen, Köln, 1997, S. 195–216.
- Shmurlo E. F.** Padenie tsarevny Sof'i [The Fall of Princess Sophya]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1896, no. 1, pp. 38–95. (in Russ.)
- Sorokin Yu. A.** Zagovor i tsateubiistvo 11 marta 1801 goda [Conspiracy and Regicide on March 11, 1801]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2006, no. 4, pp. 15–29. (in Russ.)
- Stellner F.** Dinasticheskaya politika Avstriiskoi, Prusskoi i Rossiiskoi monarkhii v XVIII veke: sravnitel'no-istoricheskii analiz [The Dynastic Policy of the Austrian, Prussian and Russian Monarchies in the 18th Century: A Comparative Historical Analysis]. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2012, no. 4, pp. 82–109. (in Russ.)
- Stellner F.** Die Interessengruppen am Hof Elisabeth Petrownas. Ein Beitrag zur Analyse der Herrscherstellung im absolutistischen System. Politische Kommunikation zwischen Imperien: Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa (Innsbrucker Historische Studien). Innsbruck, Wien, Bolzen, 2013, S. 145–154.
- Stellner F.** Dinasticheskii aspekt vneshnei politiki Petra III [The Dynastic Aspect of Peter III's Foreign Policy]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2014, no. 4, pp. 70–79. (in Russ.)
- Švankmajer M. et al.** Dějiny Ruska. Prague, Nakladatelství Lidové noviny, 1995, 474 p. (in Czech)
- Teibenbacher E.** Catherine the Great: How the Question of Legitimacy Influenced her Politics. In: *Dynastic Change: Legitimacy and Gender in Medieval and Early Modern Monarchy*. London, New York, 2019, pp. 255–274.
- Troitsky N. A.** Aleksandr I i Napoleon [Alexander I and Napoleon]. Moscow, Vysshaya shkola, 1994, 304 p. (in Russ.)
- Troitsky S. M.** Istoriofafiya “dvortsovykh perevorotov” v Rossii XVIII v. [Historiography of “Palace Coups” in Russia of the 18th Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1966, no. 2, pp. 38–53. (in Russ.)
- Volkova I. V., Kurukin I. V.** Fenomen dvortsovykh perevorotov v politicheskoi istorii Rossii XVIII–XX vv. [The Phenomenon of Palace Coups in the Political History of Russia 18th – 20th Centuries]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1995, no. 5–6, pp. 40–61. (in Russ.)
- Weyr F.** Pojem puče. *Filosofický časopis*, 1995, vol. 43, no. 3, pp. 449–460. (in Czech)
- Wortman R.** Russian Monarchy: Representation and Rule. Collected Articles. Boston, Academic Studies Press, 2013, 332 p.
- Zald M. N., Berger M. A.** Social Movements in Organizations: Coup d'État, Insurgency, and Mass Movements. *American Journal of Sociology*, 1978, vol. 83, no. 4, pp. 823–861.

Zyzykin M. V. Tsarskaya vlast' i zakon o prestolonasledii v Rossii [Tsarist Power and the Law on Succession to the Throne in Russia]. Sofia, A. A. Liven Publ., 1924, 194 p. (in Russ.)

List of Sources

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830, vol. 6, 815 p.; vol. 7, 941 p.; vol. 11, 992 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Франтишек Штеллнер, доктор исторических наук, профессор
WoS K-6463-2015

Information about the Author

František Stellner, Doctor of History, Professor
WoS K-6463-2015

*Статья поступила в редакцию 08.04.2021;
одобрена после рецензирования 26.05.2021; принята к публикации 08.06.2021
The article was submitted 08.04.2021;
approved after reviewing 26.05.2021; accepted for publication 08.06.2021*